

Aleksander Szajkin
Orzeł

История и нарратив в летописном повествовании¹

«Историческая действительность» начального этапа сложения Киевского государства, доступная в виде нарративов, демонстрирует вариативность событий и персонажей, в них участвующих. Не ясно, в частности, кого – Игоря или Олега – надо считать основателем Киевского государства. Многие из того, что *Повесть временных лет* приписывает Олегу, *Новгородская первая летопись* усваивает Игорю. По-разному летописи определяют возраст Игоря, различен в них статус Олега. В которой из летописей «действительность»? Приходится толковать о параллельных мирах...

Впрочем, события, о которых сообщают на этом участке истории обе летописи, в сущности, одни и те же: по смерти Рюрика Игорь и Олег с войском совершают экспансию из Новгорода на юг, захватывают главную магистраль региона – Днепр с населенными пунктами по берегам реки и овладевают Киевом. Когда это было? Только *Повесть временных лет*² (далее ПВЛ) дает здесь хронологию по годам: смерть Рюрика датирована 879 г., поход по Днепру – 882 г.; *Новгородская первая летопись* младшего извода³ (далее Н1ЛМ) всю вторую половину девятого века и начало десятого (до 920 года) дает под одной датой: 6362/854⁴.

¹ Предлагаемая статья в некотором смысле является продолжением нашей публикации *Олег Веций: опыт анализа летописной биографии* («Slavia Orientalis» 2011, № 1, с. 7–26), главной задачей которой был анализ сюжетной организации летописного текста; в настоящей же статье на материале двух ранних летописей исследуется соотношение «действительности» и «литературности» летописных повествований о тех же персонажах – князьях Олеге и Игоре.

² Летопись цитируется по изданию: *Повесть временных лет*, ч. 1: *Текст и перевод*, подготовка текста Д. С. Лихачева и Б. А. Романова, под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, Москва–Ленинград 1950; при ссылках на вторую часть этого издания указываем: ПВЛ, ч. 2. (страницы в тексте статьи).

³ Летопись цитируется по изданию: *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*, под ред. и с предисл. А. Н. Насонова, Москва–Ленинград 1950 (страницы в тексте статьи). Далее *Новгородская первая летопись* обозначается Н1Л; *Новгородская первая летопись* младшего извода – Н1ЛМ.

⁴ Надо оговорить, что здесь и далее мы не считаем хронологические указания летописей достоверными, но эти указания становятся частью нарратива и тем самым получают логику внутри текста.

Отличие летописей в содержательном плане состоит в том, что НІЛМ главой этого похода выставляет Игоря, Олег лишь воевода при нем, тогда как в ПВЛ организует и возглавляет экспансию Олег, ибо Игорь, по ПВЛ, еще ребенок. Вопрос о возрасте Игоря в данном случае существенен, но летописи не позволяют ответить на этот вопрос определенно. НІЛМ упоминает отдельной строкой о рождении Игоря: «И роди сынъ, и нарече имя ему Игорьъ», но сообщение это находится внутри хронологически безразмерной статьи 854 года. Если отталкиваться от внутренней последовательности сообщений о событиях в НІЛМ, то можно предположить, что Игорь родился после того, как умерли братья Рюрика, Синеус и Трувор, а умерли они через два года после прибытия на Русь. Дату прибытия варяжских братьев на Русь дает ПВЛ: 862 год. Если соединить хронологические указания двух летописей, то можно предположить, что Игорь родился в 864 году или после этого года⁵. НІЛМ передает процесс возмужания Игоря: «И възрастьшу же ему, Игорю, и бысть храборъ и мудръ». К началу днепровского похода (882 г.) ему могло быть 17–18 лет – возраст вполне подходящий для самостоятельного руководства событиями (обряд посажения на коня обычно приходился на 13 лет). Исходя из этих выкладок, нет оснований отвергать рассказ НІЛМ: «И начаста воевати, и налъзоста Днѣпръ рѣку и Смолнескъ град. И оттолѣ поидоша внизъ по Днѣпру» (НІЛМ, с. 107).

Олегу в НІЛМ отведена подчиненная роль: «И бысть у него воевода, именемъ Олегъ». Один раз они упоминаются как пара: «Игорь же и Олегъ, творящаяся мимоидуца, и потаистая въ лодьяхъ» (НІЛМ, с. 107). Но далее действующей персоной оказывается только Игорь: воины, высказывающиеся из «лодий», определяются только как «Игоревы», он сам обличает Аскольда и Дира в самочинном, не «по роду», княжении; после убийства Аскольда и Дира Игорь «сѣде ... княжа, в Киевѣ»; как киевский князь «Игорь нача грады ставити, и дани устави» всем окрестным этносам; наконец, он сам «приведе себѣ жену от Плескова⁶, именемъ Олгу» (НІЛМ, с. 107). Таким образом, в НІЛМ Игорь всюду самодеятелен. Иначе представляет эти же события ПВЛ.

В ПВЛ Рюрик, умирая, передает своему родственнику Олегу малолетнего сына и власть: «предасть княженъе свое Олгови, ... въдавъ ему сынъ свой на руцѣ, Игоря, бе бо дѣтескъ вельми» (ПВЛ, с. 19). Это – первое существенное

⁵ Видимо, сходной логикой руководствовались составители *Никоновской летописи*, датируя рождение Игоря 6373/865 годом (см.: *Полное собрание русских летописей* (далее – ПСРЛ), т. IX, Москва 2000, с. 9). *Воскресенская летопись* в одном месте сообщает об Игоре: «остая после отца своего двою лет» (*Русские летописи*, т. 2: *Воскресенская летопись* (Печатается по изданию: ПСРЛ, т. 7, Санкт-Петербург 1856), Рязань 1998, с. 306), таким образом, если в год смерти Рюрика (879) Игорю было два года, то родиться, по Воскресенской, он должен был в 877 г.

⁶ В Троицком списке *Новгородской первой летописи*: «от Пьскова» – НІЛ, с. 514.

расхождение с Н1ЛМ: по ПВЛ, Игорь – дитя и потому не может управлять самостоятельно. Поэтому в ПВЛ нет сообщений, что князь «возрастал», что он – «бысть храборъ и мудръ» (кстати, в Н1ЛМ Олег тотчас вслед за Игорем характеризуется этими же словами, только инверсионно: «муж мудръ и храборъ»).

По ПВЛ Олег получает власть легитимно, из рук умирающего Рюрика. Это возможно, потому что Олег – «от рода ему суца». Исследователи склонны думать, что Олег был родственником Рюрика со стороны жены последнего⁷, возможно, он был дядей Игоря по женской линии («вуй»)⁸, не исключено, что Олег был воспитателем, «кормильцем» Игоря⁹. Поэтому, наверно, в его характеристике на первом месте стоит «мудрость»¹⁰, а не «храбрость».

По ПВЛ именно Олег через пару лет по смерти Рюрика организует и возглавляет поход по Днепру. В отличие от Н1ЛМ, слишком обобщенно сообщаящей о походе Игоря («начаста воевати, и налѣзоста Днѣпръ рѣку и Смоленскъ град»), ПВЛ перечисляет этнический состав войска Олега: «варяги, чюдъ, словѣни, мерю, весь, кривичи», упоминает об организации власти в захваченных городах: «прия градъ (Смоленск. – А. Ш.) и посади мужь свои, оттуда поиде внизъ, и взя Любець, и посади мужь свои» (ПВЛ, с. 20). Н1ЛМ о взятии Любеча вообще не упоминает.

Сцена захвата Киева в общих чертах передается обеими летописями сходно: приплывшие прикинулись «гостьми» (купцами), вызвали на берег Аскольда и Дири, схватили последних и предали их смерти. Однако в повествованиях есть и существенные отличия. В Н1ЛМ Аскольд и Дир просто приглашаются к приплывшим: «и съзваста Асколда и Дири» (Н1ЛМ, с. 108). В ПВЛ же есть развернутое и мотивированное приглашение: «и присла ко Асколду и Дири, глаголя, яко «Гость есмь, и идемъ въ Греки от Олга и от Игоря княжича. Да придѣта к намъ к родомъ своимъ»» (ПВЛ, с. 20). Наличие мотивировки, обычно, признак более позднего текста¹¹.

⁷ М. Б. Свердлов, *Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв.*, Санкт-Петербург 2003, с. 127–128.

⁸ Д. А. Мачинский, *Вновь открытые источники по истории Руси XI–XII вв.*, [в:] *Ладога. Первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни*, Санкт-Петербург 2003, с. 181; Э. А. Минакова, *Князь Игорь Старый и «Игорева Русь» (первая половина X в.)*, Орел 2004, с. 269 (правда, Э. А. Минакова отказывается считать Игоря сыном Рюрика, но надежных источников для такого отрицания не приводит).

⁹ Е. В. Пчелов, *Генеалогия древнерусских князей: IX – начало XI в.*, Москва 2001, с. 114.

¹⁰ Следует принять во внимание, что имя Олега в его скандинавской огласовке – Helgi – толкуется как «мудрый», «вещий», и даже «святой». См.: А. И. Лященко, *Летописные сказания о смерти Олега Вещего*, «Известия Отделения русского языка и словесности АН за 1924», т. 29, Ленинград 1925, с. 269–271; В. Я. Петрухин, *Древняя Русь. Народ. Князь. Религия*, [в:] *История русской культуры*, т. I: *Древняя Русь*, Москва 2000, с. 252; М. Б. Свердлов, *Домонгольская Русь*, с. 127.

¹¹ См., например, усиление мотивации этого же эпизода в *Никоновской летописи* (XVI в.), где Олег через послов говорит о себе: «...и нынѣ въ болѣзни есмь, и имамъ много великаго

Олег в ПВЛ предстает как всем известная фигура: приплывшие «купцы» – люди Олега и Игоря-княжича. Аскольда и Дира они приглашают как людей своего рода – «к родомъ своимъ». К захваченным обращается Олег: «рече Олегъ Асколду и Дирови: „Вы нѣста князя, ни рода княжа, но азъ есмь роду княжа”». Игорь, по ПВЛ, и не мог к ним обратиться: он настолько мал, что его выносят на руках: «и вынесоша Игоря: „А се есть сынъ Рюриковъ”» (ПВЛ, с. 20). Мотивировка расправы над Аскольдом и Диром в обеих летописях одинакова: они не по рождению присвоили себе право княжения.

Вряд ли удастся установить, какая же из версий, НІЛМ или ПВЛ, достоверней. Но можно попытаться понять, как эти версии могли сложиться. На помощь могут прийти некоторые грамматические соображения.

Двойственное, единственное и множественное

В НІЛМ в рассматриваемом эпизоде глаголы употребляются в форме двойственного числа. Казалось бы, это соответствует двум персонажам, Игорю и Олегу, но Олег объявлен в НІЛМ «воеводой» Игоря, а, по наблюдению А. А. Шахматова, там, где действуют князь и воевода, употребляется форма единственного числа: «...если Игорь – князь, а Олег – воевода, то рассказ должен был бы вестись в единственном числе» и Шахматов отсылает к единственному числу в рассказе об Игоре и Свенельде¹². Вопреки этому своему утверждению, А. А. Шахматов полагает, что двойственное число появилось в Начальном своде (далее НС)¹³, когда возникла «комбинация Игорь – Олег», тогда как в источнике Начального свода – в Древнейшем Киевском своде – речь шла только об одном князе, а именно Олеге¹⁴. Не отменяет этого противоречия и то обстоятельство, что двойственное число, возможно, появилось на месте не единственного, а множественного числа: деяния князя коллективны и потому могут описываться в категории множественного числа¹⁵. Действительно, в

и драгого бисера и всякого узорочіа; еще имамъ и усты ко устомъ рѣчи глаголати ваша къ вамъ...» и т. д. Цит. по: ПСРЛ, т. 9, Москва 2000, с. 15.

¹² А. А. Шахматов, *Разыскания о древнейших русских летописных сводах*, [в:] А. А. Шахматов, *История русского летописания*, т. I, кн. 1, Санкт-Петербург 2002, с. 204. Видимо, Шахматов имел в виду следующую фразу НІЛМ: «И бѣ у него воевода, именемъ Свѣндельдъ; и примучи Углѣчѣ, възложи на ня дань, и вѣсть Свѣндельду» (НІЛМ, с. 109), т. е. угличей Игорь «примучивал» со Свенельдом, но глагол стоит в единственном числе: «примучи».

¹³ Напомним, что по господствующему мнению текстологов Начальный свод сохранился в НІЛМ, поэтому, когда говорят о Начальном своде, подразумевают текст НІЛМ.

¹⁴ А. А. Шахматов, *Разыскания о древнейших русских летописных сводах*, с. 220–221.

¹⁵ С. М. Соловьев объяснял формы множественного числа тем, что они фиксируют «распределение целого рода, хотя, по-видимому, действует один великий князь». Ср.: С. М. Соловьев, *Древнерусские князья*, Санкт-Петербург 2010, с. 120.

НІЛМ внутри рассказа, держащегося на глаголах двойственного числа, вдруг появляется фраза с тремя глаголами множественного (полужир), но между ними один глагол все же стоит в двойственном (курсив): «И оттолѣ **поидоша** внизъ по Днѣпру, и **приидоша** къ горам кыевъскимъ, и *узрѣста* городъ Кыевъ и **испыташа**, кто в немъ княжить...» (НІЛМ, с. 107).

В ПВЛ в соответствующем рассказе глаголы стоят в единственном числе, и это тоже странно: хотя роль Игоря пассивна, но он – князь, статус Олега здесь не обозначается, но из последующего ясно, что он – тоже князь, т. е. действуют два князя, соответственно и глаголы должны бы стоять в двойственном числе. Своя грамматическая непоследовательность, замеченная А. А. Шахматовым, сохранилась и в ПВЛ: среди глаголов единственного числа (полужир) вдруг появляется один в двойственном (курсив): «...оттуда **поиде** внизъ, и **взя** Любець, и **посади** мужь свои. И *придоша* къ горамъ хъ кыевъскимъ, и **увѣда** Олегъ...» (ПВЛ, с. 20). Как видим, непоследовательность приходится на сходные фразы, хотя в целом тексты в НІЛМ и в ПВЛ в изложении продвижения Игоря и Олега по Днепру и захвате Киева значительно отличаются один от другого (события сходные, но подробности происходящего и соотношение участников принципиально иные).

А. А. Шахматов стремился объяснить эту непоследовательность тем, что в разных летописных сводах один князь сменял другого¹⁶, но если менялись только имена, а количество не менялось, то и глагольные формы не должны были бы меняться. На наш взгляд, эту непоследовательность употребления глагольных форм можно объяснить иначе. В первоначальном источнике – пусть это будет Древнейший Киевский свод – речь шла о совместных действиях двух князей, Игоря и Олега, и там стояло двойственное число. Летописцы конца XI и начала XII века, исходя из идеи единовластия Киевского князя, начали выправлять этот древний источник: составитель Начального свода центральной фигурой считал сына Рюрика, Игоря, и потому низвел Олега в воеводы; составитель ПВЛ, располагая материалами, доказывающими княжеский ранг Олега (договор Олега с греческим императором), нашел выход в разведении персонажей во времени – отсюда детский возраст Игоря. Составитель Начального свода, оставив князем только Игоря, не счел нужным или важным менять глагольные формы и только в одной фразе прибег к множественному числу и то непоследовательно; составителю ПВЛ можно было оставить двойственное число, ибо князей у него двое, но он, видимо, стремился выставить Олега вер-

¹⁶ В цитируемой работе (в *Разысканиях* 1906 г.) А. А. Шахматов считал, что в Древнейшем своде стояло имя Олега, а в НС его заменил Игорь (А. А. Шахматов, *История русского летописания*, т. I, кн. 1, Санкт-Петербург 2002, с. 220–221.); в ранней работе – *О начальном Киевском летописном своде* (1897) – А. А. Шахматов считал, что в ПВЛ Олег заменял Игоря. См.: А. А. Шахматов, *История русского летописания*, т. I, кн. 2, Санкт-Петербург 2003, с. 64.

шителем событий и потому перевел глаголы в форму единственного, допустив только одну оплошность: «придоста»¹⁷.

Итак, идеологическая и политическая интенция – идея единовластия – вызвала эти грамматические шарады летописного текста¹⁸. Идея эта, видимо, обрела остроту ближе к концу XI века, ибо для более ранних представлений, зафиксированных летописанием, идея множественности носителей высшей власти была вполне органичной: Кий, Щек и Хорив; Радим и Вятко; Аскольд и Дир; Рюрик, Синеус и Трувор. В последнем случае уже видим, как идея единовластия редактирует текст: двое, Синеус и Трувор, немедленно умирают, не совершив ничего достойного упоминания и не оставив наследников, и остается один Рюрик. Отсюда мы должны констатировать, что, попадая на страницы летописи, «историческая действительность» под влиянием тех или иных идеологических соображений деформировалась. Разумеется, летописцы не выдумывали, не «сочиняли», они обращались к тем историческим персонажам и событиям, о которых сохранялись сведения, письменные или устные, выдерживающие их критическую проверку¹⁹, но в своем повествовании летописцы расставляли персонажей и события в соответствии со своим пониманием должного хода дел. Так история становилась нарративом, порождая, порой, любопытные «правдоподобные» детали: ср., например, сообщение ПВЛ о детскости Игоря: «нося Игоря дѣтска».

Вокняжение

После расправы с Аскольдом и Диром НІЛМ сообщает: «И съде Игорь, княжа, в Киевѣ; и бѣша у него Варязи мужи Словенъ...» (НІЛМ, с. 107). ПВЛ соответственно меняет имя князя: «И съде Олегъ княжа въ Киевѣ ... И бѣша у него варязи и словѣни и прочи». Кроме мены имени, князь в ПВЛ произносит принципиально важную для автора этой летописи сентенцию: «...и рече Олегъ: „Се буди мати градомъ русьскимъ”» (ПВЛ, с. 20). Только ПВЛ поставила вопрос о генезисе и государства и власти: «откуда есть пошла Руская земля, кто въ Киевѣ нача первѣе княжити»²⁰. Хотя Киев основали полянские

¹⁷ Допускаем, что текстологически эта фраза, содержащая непоследовательность форм числа в обеих летописях, имеет какую-то особую историю, но это пока не меняет наших общих замечаний.

¹⁸ Отметим, что есть летописные списки, в которых достигнуто единообразие глагольных форм: в Троицком списке НІЛМ в соответствующем тексте всюду двойственное число (См.: НІЛ, 1950, с. 514), а в Софийской первой находим не «придоста», как в ПВЛ, а «прииде къ горам киевскимъ» (*Софийская первая летопись старшего извода*, [в:] ПСРЛ, т. 6, вып. 1, Москва 2000, стлб. 16).

¹⁹ См. оценку летописцем разных толков о Кие.

²⁰ НІЛМ больше интересовалась провиденциальной стороной дела: «како избра Богъ страну нашу на послѣднѣе время»; вопрос генезиса формулируется только в амбициозном ключе: какая земля раньше, новгородская или киевская.

братья и назвали его в честь старшего, но при них Киев был только полянским центром; государство, по ПВЛ, начинает формировать Олег, и именно он объявляет Киев столицей.

То, что обе летописи восходили к одному источнику, видно и из тождества фраз, рассказывающих о начале государственной деятельности киевского князя²¹. НІЛМ: «Сеи же Игорьь нача грады ставити, и дани устави Словеномъ и Варягомъ даяти, и Кривичемъ и Мерямъ дань даяти Варягомъ, а от Новагорода 300 гривенъ на лѣто мира дѣля...» (НІЛМ, с. 107). ПВЛ: «Се же Олегъ нача города ставити, и устави дани словѣномъ, кривичемъ и мери, и *устави* варягомъ дань даяти от Новагорода гривенъ 300 на лѣто, мира дѣля...» (ПВЛ, с. 20). Лексически и синтаксически фразы одинаковы, но у них разная семантика. Вместе с разными именами князей меняются адреса получателей дани: в НІЛМ (и, стало быть, в НС) вся дань, в том числе и от Новгорода, идет в Киев князю Игорю; в ПВЛ сказано, что словене, кривичи и меря (= весь?) (т. е. те, кто призывали Рюрика) платят дань Олегу, а Новгород платит варягам. Не вполне ясно, каким варягам – «заморским» или окружению Олега. Если верно последнее, то, следовательно, Олег и варяги дифференцированы в ПВЛ. Наконец, НІЛМ и ПВЛ имеют радикально противоположные концовки этих пассажей о новгородской дани: НІЛМ – «от Новагорода 300 гривенъ на лѣто мира дѣля, **еже не даютъ**» (НІЛМ, с. 107); ПВЛ «от Новагорода гривенъ 300 на лѣто мира дѣля, **еже до смерти Ярославлѣ даяше варягомъ**» (ПВЛ, с. 20). Идеологическую редактуру, как видим, осуществить не трудно: достаточно вставить или убрать частицу «не»²².

В НІЛМ вокняжение Игоря в Киеве и начало его государственной деятельности завершаются сообщением о его женитьбе: «И пакы приведе себѣ жену от Плескова²³, именовъ Олгу, и бѣ мудра и смысла, от нея же родися сынъ Святославъ» (НІЛМ, с. 107). Полагаем, что эта фраза, как и вся финальная конструкция в НІЛМ, близка к источнику (по А. А. Шахматову, Древнейше-

²¹ Гипотезу В. М. Истрина о том, что текст НІЛМ есть просто сокращение текста ПВЛ, считаем неубедительной, в том числе и в виду отмечаемых здесь и далее отличий летописей.

²² А. А. Шахматов распутывал текстологический ребус, связанный с летописными фразами об этой дани и пришел к выводу, что чтение «не даютъ» появилось в Новгородском своде 1167 г. (*Разыскания...*, 2002, с. 227–230, 330). Д. С. Лихачев считал, что первоначальный вид этого текста сохранила Уваровская летопись: «И дань устави по всей земли: с Новгорода 300 гривен, иже и доньне даютъ». (ПВЛ, ч. 2, с. 253–254). Новейшее исследование приходит к выводу, что «исправление вместо „еже и (до) ныне даютъ“ на „еже не даютъ“ [...] вероятнее всего надо относить к творчеству составителя НСв (т. е. к 1090-м гг.)», когда политическая и экономическая ситуация по сравнению с «олего-игоревым» временем стала иной. Ср.: П. С. Стефанович, *Загадочное известие летописи: древнейшая дань из Новгорода в Киев. Летописное известие и его исследователи*, [в:] *Новгородский исторический сборник*, вып. 12 (23), Москва–Санкт-Петербург 2011, с. 34, см. также с. 35.

²³ В Троицком списке НІЛ: «от Пьскова» – НІЛ, 1950, с. 514.

му своду). Женидьба – это финальный элемент фольклорного нарратива, а в НІЛМ перед нами несомненный финал определенного сюжета. Элементы этого сюжета следующие: смерть старого правителя (Рюрика), появление нового князя (Игоря), отправление в путь, борьба с противниками (Аскольдом и Диром), овладение городом/царством (Киевом и окрестными землями) и женидьба на «царевне» (Ольге). ПВЛ разрушает целостность этого фольклорного сюжета, сообщение о женидьбе переносит в отдельную годовую статью, заодно изменяя и семантические элементы источника: если в НІЛМ Игорь сам добывает себе жену, то в ПВЛ инициатива переходит к Олегу: «приведоша ему (Игорю) жену от Пьскова, именовемь Олгу» (ПВЛ, с. 23). Полагаем, что в источнике Ольга характеризовалась, и это была характеристика фольклорной «мудрой девы»: «бѣ мудра и смысла», ПВЛ же Ольгой здесь не интересуется. Трудно сказать, содержалось ли в фольклорном источнике Игорева сюжета сообщение о рождении у них с Ольгой сына Святослава, но в НІЛМ такое сообщение есть. ПВЛ обрезает и эту информацию. Проведенные наблюдения подводят к тому, что в НІЛМ мы имеем текст, ближе передающий источник, нежели текст ПВЛ.

Автора ПВЛ не удовлетворяла хронологическая и событийная разреженность начальных страниц русской истории источника²⁴, он стремился увидеть, как слагалась «Русская земля». Под 883, 884, 885 гг. ПВЛ рассказывает о подчинении Киеву древлян, северян, радимичей и о войне с уличами и тиверцами. В подробностях описания этих событий исследователи находят соответствия реалиям. Так, в рассказе о покорении древлян не упоминаются хазары – их и не было на правой стороне Днепра, тогда как при покорении левобережных северян и радимичей хазары упоминаются. В сообщениях о характере обложения – древлян *кунами* (куницами²⁵), а радимичей *шелягами* (арабскими монетами²⁶) – опять же есть соответствие реальной ситуации: радимичи были вовлечены в сферу хазарского каганата и могли иметь в обращении деньги, а у древлян денег в виде монет еще не было²⁷. Соответственно своей концепции, подчинение Киеву окрестных племен и собственно создание Киевского государства ПВЛ приписывает Олегу.

²⁴ См. зияние в 76 лет между первой датой НІЛМ 6362/854 и второй – 6428/920.

²⁵ Монетарные деньги слово «куна» стало обозначать позднее IX в. См.: Словарь русского языка XI–XVII вв., вып. 8, Москва 1981, с. 120–121.

²⁶ Правда, словарь Г. Дьяченко соглашается с трактовкой *шляга / шеляга / щеляга* как шиллинга (Г. Дьяченко, *Полный церковно-славянский словарь*, Москва 1993, с. 835), что указывает не на восточные, а на западные контакты.

²⁷ См. об этом: Е. А. Мельникова, *Устная традиция в «Повести временных лет»: к вопросу о типах устных преданий*, [в:] *Восточная Европа в исторической ретроспективе: к 80-летию В. Т. Пашуто*, Москва 1999, с. 162.

Походы

По ПВЛ Олег и Игорь совершают три похода на греков: Олег в 907 г., Игорь в 941 и 944 гг. В Н1ЛМ два похода: в 920 г. и в 921 – 922 гг.²⁸ (первый вероятно, а второй определенно возглавляет Олег). О руководстве походом 920 г. Н1ЛМ выражается так: «Посла князь Игорь на Грѣкы вои Русь скидеи 10 тысящъ»²⁹. Имя предводителя не называется, и это, скорее всего, свидетельствует о нежелании летописца называть имя Олега. Описание этого похода в Н1ЛМ в разных фрагментах совпадает с описаниями походов 907 и 941 гг. в ПВЛ. Общность с походом 907 года состоит в следующем: войско на судах достигает Царьграда и творит те же злодеяния, что и Олегова русь в ПВЛ; формульное выражение Н1ЛМ 920 г. «елико же ратнии творять» находит соответствие в ПВЛ 907 г.: «елико же ратнии творять»; начальная часть фразы в Н1ЛМ, живописующая расправу с пленниками, «а ихъ же имше плѣнники, овѣхъ растинаху, инья же къ землѣ посѣкаху...» содержит текстуальные совпадения с фразой ПВЛ 907 г.: «А их же имаху плѣнники, овѣхъ посекаху, другаи же мучаху, инья же расстреляху...». Но по общему результату поход Н1ЛМ 920 г. имеет соответствие с походом князя Игоря ПВЛ 941 г.: русские суда сожжены греческим огнем, и в том, и в другом текстах греческим флотом руководит патрикий Феофан.

Под 921 год в Н1ЛМ сообщается о подготовке к походу, хотя фраза построена так, будто поход уже начался: «Игорь и Олегъ пристроиста воя многы, и Варягы и Полянѣ и Словенѣ и Кривичи, и корабля многы бесчисленнии» (Н1ЛМ, с. 108). Отметим сохраняющуюся форму двойственного числа: «пристроиста». Однако все же самый поход стоит под 922 годом и возглавляет его Олег: «Иде Олегъ на Грѣкы и прииде къ Цесарюграду; и Греци замкоша Съсуд, а град затвориша» (Н1ЛМ, с. 108). В ПВЛ этой фразой начинается рассказ о походе Олега 907 года, но только между словами «Грѣкы» и «и прииде» сделана значительная вставка (выделим эту вставку курсивом) «Иде Олегъ на Грекы, *Игоря оставив Киевѣ, поя же множество варяг, и словенѣ, и чюдъ, и словене, и кривичи, и мерю, и деревляны, и радимичи, и поляны, и сѣверо, и вятичи, и хорваты, и дулѣбы, и тиверци, яже суть толковины: си вси захуться от грекъ Великая Скуфь. И съ сими со всѣми поиде Олегъ на конех и на кораблех, и бѣ числомъ кораблей 2000.* И прииде къ Царюграду; и греци замкоша Судъ, а градъ затвориша» (ПВЛ, с. 23–24).

²⁸ Об ошибочности и источниках датировок НС=Н1ЛМ см.: А. А. Шахматов 1) Разыскания..., 2002, с. 84; 2) *Хронология древнейших русских летописных сводов*, [в:] А. А. Шахматов, *История русского летописания*, т. I, кн. 2, Санкт-Петербург 2003, с. 5–18; А. Г. Кузьмин, *Хронология начальной летописи*, «Вестник Московского университета. История» 1968, № 6, с. 40–53.

²⁹ Цифра заимствована из *Хроники Амартола*. См.: ПВЛ, ч. 2, с. 286. В Троицком списке Н1Л не кораблей 10 тысяч, а воинов (Н1Л, 1950, с. 515).

Сообщение о том, что Игоря Олег оставил в Киеве, могло быть только в ПВЛ, создавшей версию о малолетстве Игоря, хотя и НІЛМ в качестве руководителя похода называет только Олега. Князь, разумеется, мог послать своего воеводу во главе войска. Глаголы приняли форму единственного числа: «Иде», «прииде». Информация о составе войска в НІЛМ дана под 921 годом и приводятся 4 наименования: варяги, словене, поляне и кривичи; ПВЛ значительно расширяет список участников, она дает список из 13 этнических наименований (наименований 14, но «словене» упомянуты дважды; может быть, было две группы «словен?»).

Описания походов 922 г. (НІЛМ) и 907 г. (ПВЛ) в обеих летописях идентичны (отличия: в НІЛМ «корабля на колеса» в ПВЛ «на колеса корабля»; в НІЛМ какая-то путаница с числом кораблей Олега – «100, 200³⁰ корабль», в ПВЛ – «2000 корабль»; есть несущественные семантически грамматические отличия). Но после сообщения о размере дани с греков в ПВЛ помещается обширная вставка о переговорах с греками, внутри которой пришлось повторить и сообщение о размере дани. Первое: «И заповѣда Олегъ дань даяти на 2000 корабль, по 12 гривенъ на человекъкъ»; повторное: «И заповѣда Олег дати воем на 2000 корабль по 12 гривен на ключъ». «На ключъ» – должно быть, на количество ключей³¹.

Договор 907 г., как предполагают исследователи, имел предварительный характер³², но если он попал в летопись, мы должны предполагать, что он имел ту или иную письменную фиксацию³³. После текста договора текст ПВЛ опять начинает совпадать с текстом НІЛМ, это относится к эпизодам с парусами, с водружением Олегова щита на врата Царьграда; почти идентичны и тексты о возвращении Олега в Киев, в НІЛМ только добавлено замечание, согласующееся с концепцией этой летописи о взаимоотношениях Олега и Игоря: в НІЛМ Олег вернулся не просто в Киев, а «ко Игорю».

Но в рассказе о кончине Олега летописи расходятся и в определении места его гибели, и подробностях этого события; отличается и композиционное

³⁰ В Воронцовском списке только цифра 100 (НІЛ, 1950, с. 435), в Троицком – «сто корабль». Там же, с. 515.

³¹ В первом сообщении было уточнение: «по 12 гривенъ на человекъкъ, а въ корабли по 40 мужъ»; «ключи»=ключины, вероятно, проще посчитать, нежели людей.

³² См., например: М. В. Левченко, *Очерки по истории русско-византийских отношений*, Москва 1956, с. 111–124.

³³ А. А. Шахматов полагал, что текст договора 907 г. составлен из фрагментов договора 911 (по ПВЛ 912) и 945 гг., см: А. А. Шахматов, *«Повесть временных лет» и её источники*, «Труды Отдела древнерусской литературы», т. 4, Москва–Ленинград 1940, с. 113–115. Критику этой гипотезы см.: М. В. Левченко, *Очерки по истории русско-византийских отношений*, с. 119–120. Вопросов об исторической достоверности договоров 907 и 911 гг. не касаемся; об этом см.: М. В. Левченко, там же, с. 111–112, 119–124 и др.; А. Н. Сахаров, *Дипломатия Древней Руси. IX – первая половина X века*, Москва 1980, с. 84–146; М. Б. Свердлов М. Б. *Домонгольская Русь*, с. 145–146.

место этого сообщения в летописных повествованиях. В НІЛМ сообщение о смерти Олега помещается внутри той же статьи 922 года, т. е. смерть Олега – это финал рассказа о его походе на греков. В ПВЛ рассказ о смерти отделен от похода пятью годами, повествование с 907 года перекидывается в год 912-ый. При этом под 911-ым годом сообщается о явлении кометы: «Явися звѣзда велика на западе копейным образом». Астрономические явления такого рода в летописи осмысливаются как «знамения», предвещающие, по преимуществу, нечто гибельное. Но начинается статья 912 года с информации вполне позитивной: Олег посылает своих мужей к грекам «построити мира», его мужи осуществляют это, и перед читателем разворачивается торжественный и деловой текст договора с греками. Только после этого искусно вводится знаменитый рассказ о гибели Вещего Олега³⁴.

В НІЛМ об Олеговой смерти сообщается лаконично: «Иде Олегъ к Новгороду, и оттуда в Ладогу. Друзии же скажутъ, яко идущо ему за море, и уклюну змиа в ногу, и с того умре; есть могыла его в Ладозѣ» (НІЛМ, с. 109). Летописец в НІЛМ прямо сообщает, что опирается на устные источники: одни говорили, что Олег просто ушел в Ладогу через Новгород, а другие «сказывали» (глагол «сказуютъ») о походе за море и об укусе змеи. Мотив ухода Олега «за море» согласуется с сагой об Орвар Одде, который после долгих путешествий возвращается домой в Скандинавию, и там находит смерть на могиле своего коня Факси; умирает он на берегу моря, складывая песнь³⁵. В НІЛМ есть внутреннее противоречие: ушел «за море», а могила все равно в Ладоге³⁶. Кроме того, в НІЛМ нет главного элемента рассказа о смерти Олега – коня. В этом отношении скандинавская сага ближе к рассказу об Олеговой смерти в ПВЛ, но, в свою очередь, в ПВЛ нет мотива ухода героя «за море»: умирает он в Киеве, где есть могила его и «до сего дни, словеть могыла Ольгова» (ПВЛ, с. 30). Летописцы опирались на какие-то устные рассказы о кончине Олега, но самые эти рассказы были вариативны.

ПВЛ по завершении рассказа о смерти Олега помещает обширную выписку из Георгия Амартола о предсказаниях волхвов древности³⁷ с тем, чтобы обо-

³⁴ Анализ поэтики и смысла эпизода гибели Олега см.: А. Szajkin, *Олег Вещий: опыт анализа летописной биографии*, «Slavia Orientalis» 2011, № 1, с. 17–26.

³⁵ См.: «Сага об Одде Стреле», [в:] *Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия*, под ред. Т. Н. Джаксон и др., т. V: *Древнескандинавские источники*, Москва 2009, с. 265–266. А. И. Лященко полагал, что и Олег, в сущности отождествляемый им с героем саги, дошел до Норвегии, где и был похоронен. (А. И. Лященко, *Летописные сказания о смерти Олега Вещего*, с. 273–274).

³⁶ Правда, высказано предположение, что «Заморье» – это территория вблизи Ладоги. См.: А. Ю. Чернов, *Хроники изнаночного времени. «Слово полку Игореве»: текст и его окрестности*, Санкт-Петербург 2006, с. 244.

³⁷ См.: В. А. Матвеевко, Л. И. Щёголева, *Книги временные и образные Георгия Монаха*. В 2 томах, т. 1, ч. 1, Москва 2006, с. 467–469.

сновать и оправдать сбывшееся предсказание отечественного волхва. В НІЛМ нет ни волхва, ни предсказаний – поэтому нет нужды в таком заимствовании.

По смерти Олега в тексте НІЛМ появляется фраза, которая как будто сообщает о продолжении его княжения: «Игорь же сѣдѣше в Киевѣ княжа...», но все же необходимость подтверждения статуса княжения указывает на его, статуса, изменение. НІЛМ помещает это сообщение в конце статьи 922 года. О том, что уход Олега изменил ситуацию внутри государства, свидетельствует и активная деятельность Игоря по приведению к покорности отдельных земель: «воюя на Древяны и на Угличѣ». Важным персонажем этих внутренних войн в НІЛМ становится воевода Свенельд: «И бѣ у него воевода, именемъ Свѣнделдѣ; и примучи Угличѣ, възложи на ня дань, и вдасть Свѣнделду». Фраза построена невнятно: кто «примучил» угличей – Игорь или Свенельд, но поскольку обложение данью достается ему, надо полагать активную позицию воеводы (НІЛМ, с. 109).

ПВЛ определенно говорит о смене правителей и дает иную дату: «В лѣто 6421/913. Поча княжити Игорьъ по Олзѣ. В се же время поча царьствовати Костянтинь, сынъ Леонтовъ» (ПВЛ, с. 31). Внутренние проблемы в ПВЛ вроде те же, что и в НІЛМ, но вместо угличей на первом месте древяне: «И деревляне затворишася от Игоря по Олговѣ смерти». Отсюда проясняется и мотив внутреннего нестроения: по смерти князя Олега некоторые земли попробовали отложиться от Киева. В следующем, 914, году «Иде Игорьъ на деревляны, и побѣдивъ а, и възложи на ня дань болши Олговы» (ПВЛ, с. 31). Свенельд, как видим, выпадает в ПВЛ из действующих лиц.

У летописца, трудившегося над текстом ПВЛ, несомненно, более широкий взгляд, он не замкнут в Киевщине, его интересует, что происходит окрест. Проведя параллель между сменой русских князей и византийских императоров, он под 914 годом сообщает о нападении болгарского царя Симеона на Царьград и заключении мира между царствами. Под 915 г. сообщается о прохождении печенегов по Руси и их переговорах с Игорем; болгары опять напали на греков, последние попробовали воспользоваться печенегами, но печенеги, увидев распри внутри греческого войска, предпочли не вмешиваться в конфликт. Этого корпуса событий, а также любопытных топонимических замечок о названиях града «Андриана» в НІЛМ нет. После 16 пустых лет под 940 годом НІЛМ возвращается к событиям, о которых уже упоминала под 922 г.: покорении угличей, взятии их столицы Пресечена и предоставления дани с угличей Свенельду, а под 942 годом ему же – и дани с древлян.

В ПВЛ между 915 и 941 годом, в основном, пустые года, есть только сообщения о смене правителей у греков, о продолжении их войн с Симеоном и нападении угров на греков. Надо отметить две значительные хронологические лакуны в ПВЛ в изображении и Олега, и Игоря: оба князя утверждаются в

Киеве, подчиняют своей власти окрестные земли и вдруг на 20 и на 24 года соответственно выпадают из поля зрения летописцев (Олег с 886 по 906 гг., Игорь с 916 по 940 гг.³⁸). После этих лакун мы застаем и того, и другого князя во главе войска, движущегося на греков.

В 941 г. Игорь, по ПВЛ, совершает свой первый поход на греков, в НІЛМ ему, в значительной степени, соответствует описание похода 920 г. В самой НІЛМ 941 г. – пустой. События похода 941 г. неоднократно анализировались, в том числе и нами³⁹, но на один момент нам хотелось обратить внимание. НІЛМ морское сражение изображает по летописному лаконично: «посла Романъ цесарь патрикия Феофана съ вои на Русь, и огненымъ строемъ пожьже корабля руския» (НІЛМ С.108). ПВЛ разворачивает это «пожьже» в драматическую сцену. Во-первых, передается процесс выстреливания огня: «пущати нача трубами огнь на лодѣ руския», во-вторых, изображается ужас, охвативший русских: «бысть видѣти страшно чюдо» и паническое поведение воинов: «Русь же видяци пламянь, вмѣтахуся въ воду морьскую, хотяще убрести». Эти подробности относят к заимствованиям из русского перевода *Жития Василия Нового*⁴⁰, но есть еще один текст, близко совпадающий с летописным описанием – это *Антаподосис (Возмездие)* епископа Кременского Лиудпранда, созданный около 949 г. Здесь рассказывается, что «расположившись посреди флота руси, они (греческие военные суда – А. Ш.) принялись метать вокруг себя огонь. Увидав такое, русь тут же стала бросаться с кораблей в море, предпочитая утонуть в волнах, нежели сгореть в пламени. Иные, обремененные панцирями и шлемами, шли на дно и их больше не видели, некоторые же, державшиеся на плаву, сгорали даже посреди морских волн»⁴¹. Близость текста, читающегося в ПВЛ, к описанию Лиудпранда объясняется, видимо, тем, что они оба передают впечатления очевидцев. Ссылка на рассказы участников есть и в ПВЛ: «Тѣм же пришедшимъ въ землю свою, и повѣдаху каждо своимъ о бывшемъ и о лядньмъ огни: „Яко же молонья, – рече, – иже на небесѣхъ, грѣци имуть у себе, и се пушающе же жагаху насъ, сего ради не одолѣхомъ имъ”» (ПВЛ, с. 33).

Неудача похода 941 года, по ПВЛ, не парализовала Игоря: 942 и 943 годы, видимо, ушли на подготовку нового похода, который и был осуществлен в 944 году. Этот поход вызывает сомнения у историков, ибо нет независимых

³⁸ Под 920 г. ПВЛ кратко сообщает о войне Игоря против печенегов.

³⁹ А. А. Шайкин, *Олег и Игорь в Новгородской первой летописи и в «Повести временных лет»*, «Труды Отдела древнерусской литературы», т. 58, Санкт-Петербург 2007, с. 607-627. Там же и библиография.

⁴⁰ Соответствующий текст *Жития Василия Нового* приведен в: ПВЛ, ч. 2, с. 285.

⁴¹ *Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия*, под ред. Т. Н. Джаксон и др., т. IV: *Западноевропейские источники*, сост., пер. и комм. А. В. Назаренко, Москва 2010, с. 40.

источников, способных его подтвердить⁴². Рассмотрим, что дают летописные тексты.

Походам 941 и 944 гг. в ПВЛ есть соответствие в НІЛМ походы 920 и 922 гг. Хотя в НІЛМ интервал между походами в один год (921), но текст построен так, что можно предположить интервал в два года: «Том же лѣтъ препочиша и другое, на третье идоша» (НІЛМ, с. 108). Однако, как мы отмечали, поход НІЛМ 922 года является, в основном, аналогом похода ПВЛ 907 года. Подробностям похода 944 года в НІЛМ аналогов нет, за исключением общности в перечнях участников: по НІЛМ для похода 922 г. Игорь и Олег мобилизуют варягов, полян, словен и кривичей; в ПВЛ в походе 944 г. набор участников такой же и перечислен в той же последовательности, но дополнен тиверцами и наемниками печенегами. Отметим, что в НІЛМ 944 год – пустой.

Поход 944 г. в ПВЛ мотивирован: Игорь «хотя мстити себе». Войско было составным: «въ лодях и на конихъ». Жители Корсуни предупреждают царя Романа: «Се идуць Русь бещисла корабль, покрыли суть море корабли». Болгары дополнили реляцию: «Идутъ Русь, и наяли суть к собѣ печенѣги». Количество войск, вероятно, представилось столь устрашающим, что царь греческий предложил Игорю: «Не ходи, но возьми дань, юже ималь Олегъ, придамъ и еще к той дани». Отдельные дары – «паволоки и злато много» – были посланы печенегам. Тем самым греки добивались раскола в надвигающемся войске. На наш взгляд, такая детализация сведений, в особенности подробность с подкупом печенегов, может свидетельствовать в пользу достоверности изображаемого.

Игорь собирает дружину (видимо, в узком смысле слова), чтобы обсудить предложение греков. Дружина дает вполне прагматический совет: «что хочемъ боле того, не бившеса имати злато, и сребро, и паволоки? Егда кто вѣсть; кто одолѣеть, мы ли, онѣ ли?». Далее дружина говорит нечто такое, что не может быть приписано индивидуальному творчеству летописца: «Ли с моремъ кто свѣтень? Се бо не по земли ходимъ, но по глубинѣ морьстѣй: обьча смерть всѣмъ». Слова эти несут печать народнопоэтической обработки и тем самым становятся коллективным свидетельством события. Игорь принимает совет дружины и «вземъ у грекъ злато и паволоки и на вся воя, и възратися въспять». Не забыты и интересы печенегов: «повелѣь печенѣгомъ воевати Болъгарьску землю» (ПВЛ, с. 34).

То обстоятельство, что свидетельств похода Игоря 944 года не находится в греческих источниках, не должно удивлять: вторжения на территорию

⁴² Еще А. Л. Шлецер констатировал: «ни один Византиец не упоминает об этом, даже и Литупранд, который однако же в это самое время был в Цареграде и охотно ловил все то, что служило к уничтожению Греков». А. Л. Шлѣцер, *Нестор. Русские летописи на древле-славянском языке, сличенныя, переведѣнныя и объясненныя Августом Лудовиком Шлѣцером*, перевел с немецкого Дмитрий Языков, ч. 3, Санкт-Петербург 1819, с. 208.

империи не произошло, военных действий не было. Конфликт был разрешен мирным путем, не исключено, что без широкой огласки, ибо дело касалось государственной казны империи греков. С другой стороны, ряд подробностей в изображении похода – упоминание роли корсунцев и болгар, участие печенегов, особенности взаимоотношений с ними (нанимая печенегов, русские «тали у нихъ поя», т. е. взяли заложников), представление печенегов в виде отдельной силы – всё это позволяет отнести к изображению событий 944 года как имеющим место в действительности. Фольклорность словесного оформления ответа дружины князю, на наш взгляд, опять же знак достоверности: коллективное творчество не «придумывает» события, оно осваивает его готовыми словесными формулами.

Договор с греками 945 года, самый обширный и подробный из всех, включенных в ПВЛ, логично завершает событийный ряд 941 – 944 гг.: с Русью лучше договориться, чем отражать их разорительные набеги.

После текста договора с греками мы встречаемся со странной фразой: «Игорь же нача княжити въ Киевѣ, миръ имѣя ко всѣмъ странамъ» (ПВЛ, с. 39). Ведь уже под 913 годом ПВЛ сообщала: «Поча княжити Игорь по Олзѣ» (ПВЛ, с. 31). Но ведь и в НІЛМ о вокняжении Игоря сообщалось дважды: в хронологически безразмерной статье 854 г. после рассказа об устранении Аскольда и Дира: «И съде Игорь, княжа, в Киевѣ» (НІЛМ, с. 107); затем в статье 922 г. после смерти Олега: «Игорь же съдѣше в Киевѣ княжа...» (НІЛМ, с. 109). Почему-то о вокняжении Игоря дважды сообщается в той и другой летописи. Это лишний раз свидетельствует о неоднозначных соотношениях двух первых правителей: Олега и Игоря⁴³. Однако фразу ПВЛ 945 г. о том, что Игорь «нача княжити», можно истолковать в смысле, начал княжить в новом статусе победителя греков, с которым ищут дружбы правители всех окрестных государств. Сходную фразу, как бы завершающую договор с греками 912 г., летописец сказал и об Олеге: «И живяше Олегъ миръ имѣя ко всѣмъ странамъ, княжа в Киевѣ» (ПВЛ, с. 29). И в случае с Олегом, и в случае с Игорем эти фразы о начале княжения в Киеве, в сущности, начинают рассказы о гибели того и другого князя.

В дате гибели Игоря, 6453/945, хронология НІЛМ и ПВЛ совпадает. Точнее, в ПВЛ дата 6453 присутствует дважды: в первый раз под нею помещается договор Руси с греками, во второй – сюжет о гибели Игоря. Учитывая вставочность договоров с греками, можно предположить первоначальную связь этой даты именно с гибелью Игоря⁴⁴. Тексты НІЛМ и ПВЛ в этом сюжете очень

⁴³ Есть попытка аргументировать допущение, что Олег дожил до 941 г. и руководил походом руси на греков: Э. А. Минакова, *Князь Игорь Старый и «Игорева Русь» (первая половина X в.)*, с. 293.

⁴⁴ Не разделяю мнения, исходящего из того, что год проставлялся по датированному тексту договора, к которому затем привязывалось событие – смерть князя: в НІЛМ (= НС) договоров

близки, из разночтений стоит отметить лишь то, что во фразе «И послуша ихъ Игорьъ, иде в данѣ, и насиляше имъ и мужи его» (НІЛМ, с. 110) в ПВЛ после слова «дань» вставлено «и примышляще къ первой дани» (ПВЛ, с. 39), что усиливает негативность в характеристике Игоря. В отношении могилы Игоря, в отличие от могилы Олега, НІЛМ и ПВЛ совпадают: «...и есть могила его близъ града Коростеня въ Древах и до сего дни» (НІЛМ, с. 110; ПВЛ, с. 40).

Давно вызывает подозрение число лет княжений первых правителей Руси – 33 (Олег – 879 – 912 = 33; Игорь – 913 – 946⁴⁵ = 33). Умышленность цифры 33 была бы определеннее, если бы сроки правления Рюрика и Святослава были таковы же, но этого нет: Рюрик правил 17 лет, Святослав – 27 или 28 лет. Впрочем, у Олега и Игоря тоже нет сакральной безупречности в цифрах: собственно киевского княжения у Олега только 31 год, у Игоря по летописным цифрам – 32 года⁴⁶. Кроме того, давно выяснено, что даты смертей Олега и Игоря и в НІЛМ и в ПВЛ привязаны к датам окончания правления или смерти греческих императоров⁴⁷.

Однако хронологические совпадения в биографиях Олега и Игоря этим не исчерпываются. Выше мы указывали, что ПВЛ после 6393/885 г. на 21 год замолкает об Олеге⁴⁸ (если пренебречь указанием под 903 г. о том, что Игорь находился в подчинении у Олега и что ему, Игорю, привели из Пскова жену – Ольгу). Подобная же лакуна есть и в описании княжения Игоря: под 920 г. сообщается о его войне с печенегами, а затем – 20-летний перерыв, к которому можно приплюсовать 4 пустых года перед 920 г. Если считать, что Олег по смерти Рюрика начал княжить с 879 г., то поход на греков он совершает через 28 лет после вокняжения (907–879=28), Игорь, по ПВЛ, также совершает свой

с греками нет, но датировка уже имелась; другое дело – вопрос о достоверности датировки. Приводятся аргументы в пользу того, что Игорь погиб не ранее 946 г. См.: А. В. Назаренко, «Мудрѣиши всѣхъ человекѣхъ»: крещение княгини Ольги как факт международной политики, [в:] А. В. Назаренко, *Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв.*, Москва 2001, с. 261–263, 281. Есть датировка, отодвигающая смерть Игоря к 957 г. Ср.: Э. А. Минакова, *Князь Игорь Старый и «Игорева Русь» (первая половина X в.)*, с. 134–141.

⁴⁵ Если учесть коррективу А. В. Назаренко о смерти Игоря в 946 г. (см. выше), но 33 как общее число лет княжения Игоря содержится и в хронологической таблице.

⁴⁶ В статьях, предшествующих рукописи НІЛМ, есть указание о сроках правления Олега и Игоря, исчисленных составителями летописи: «Олеги княжилъ 30 лѣтъ. Игорь княжилъ 33 лѣта» (НІЛ, 1950, с. 466).

⁴⁷ А. А. Шахматов, *Разыскания...*, 2002, с. 90; А. В. Назаренко, *Древняя Русь на международных путях*, с. 263.

⁴⁸ Есть увлекательные разыскания Н. Ламбина о том, что Олег в это время завоевывал Азовско-Причерноморские территории и создавал будущую Тмутараканскую Русь. Н. Ламбин, *О Тмутараканской Руси (Отрывок из сочинения: «Опыт восстановления и объяснения Несторовой летописи»)*, [в:] «Журнал Министерства народного просвещения» 1874, ч.171, с. 58–95.

первый поход на греков через 28 лет после своего вокняжения (941–913=28). Выше мы привели удвоенные сообщения о вокняжениях Олега и Игоря, также обладающие параллельностью.

Можно указать на сходные конструкции во фразах, завершающих переговоры и Олега, и Игоря с греками: «Послание же Олгом послы приидоша ко Олгови, и поведаша вся рѣчи обою царю...» (ПВЛ, с. 29), «Послание же сли Игоремъ придоша к Игореву со слы гречьскими, и повѣдаша вся рѣчи царя Рамана» (ПВЛ, с. 39). Вероятно, сказанное об одном из князей, переносилось на другого. Думаю, что в рассказах о кончинах – с Игоря на Олега: «осень», упоминаемая в началах повествований, является оправданной в случае с Игорем – «в дань» (полюдь) ходили осенью⁴⁹, в случае же с Олегом «осень» необязательна – на кости коня можно смотреть в любое время, кроме зимнего⁵⁰.

Наконец, обращает на себя внимание одинаковость характеристики в Н1ЛМ Игоря и Олега: Игорь «бысть храборъ и мудръ», Олег – «муж мудръ и храборъ». Не знаю, можно ли квалифицировать это как плохое различие персонажей – эпитеты все же переставлены: у Игоря на первом месте храбрость, а у Олега – мудрость. Это соответствует толкованиям имени Олега, хотя в исследованиях толкования не совсем тождественны: А. И. Лященко, со ссылкой на А. А. Куника, толковал *elgi* как «мудрый», «вещий», считая тем самым, что прозвище Олега – Вещий – есть перевод его скандинавского имени⁵¹; в последнее время *elgi*, *eilagr* – трактуется как святой⁵². Тождественность судеб князей, отчетливо проявляющаяся в их мифологизированных кончинах⁵³, свидетельствует о сознательном конструировании их жизнеописаний в ПВЛ.

⁴⁹ Об этом же с упоминанием описания полюдь у Константина Багрянородного писал А. А. Шахматов. Дело осложняется тем, что фразы с «приспѣ осень» нет в Н1ЛМ, а соображения А. А. Шахматова о взаимоотношениях в этой связи НС–Н1ЛМ–ПВЛ–Софрийского временника и его источников не совсем убедительны. Ср.: А. А. Шахматов, *Разыскания...*, 2002, с. 85–90.

⁵⁰ Кроме того, в ПВЛ рассказ о гибели Олега хронологически расположен после описания процедуры заключения договора с греками. Договор в летописи датирован 2-ым сентября 6420/912 г. Поэтому, как подметил еще А. А. Шахматов, слова «И приспѣ осень...» первоначально не могли относиться к Олегу, так как после 2 сентября послы Олега еще какое-то время осматривали Константинополь и вернуться в Киев раньше октября никак не могли; в октябре говорить «приспѣ осень» нельзя. См.: А. А. Шахматов, *Несторова летопись*, [в:] А. А. Шахматов, *История русского летописания*, т. I, кн. 2. Санкт-Петербург 2003, с. 523.

⁵¹ А. И. Лященко, *Летописные сказания о смерти Олега Вещего*, «Известия Отделения русского языка и словесности АН за 1924», т. 29, Ленинград 1925, с. 269–271.

⁵² См.: В. Я. Петрухин, *Древняя Русь: Народ. Князь. Религия...*, с. 252; М. Б. Свердлов, *Домонгольская Русь...*, с. 127.

⁵³ Ср.: И. Чекова, 1) *Фолклорно-эпически парадигми в повествованието за княз Олег на староруските летописи*, с. 91–121; 2) *Эпос, мифы и мифологемы в древнейшем летописании Киевской Руси*, с. 87. В. Я. Петрухин, *Язычество славян в свете междисциплинарных исследований*, [в:] *Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1984*, Москва 1985, с. 248.

Вышеизложенное позволяет предположить, что в тексте, предшествующем не только ПВЛ, но и НС, речь шла о двух верховных правителях. Об этом, в частности, свидетельствует сохранившаяся глагольная форма двойственного числа в описании действий Олега и Игоря и в НІЛМ и, в единичном случае, в ПВЛ. Троицкий список НІЛМ в соответствующем фрагменте полностью сохраняет двойственное число⁵⁴. Возможно, что текст-источник терминологически не определял статусы Олега и Игоря, обходясь именами. Летописцы конца XI и начала XII века, исходя из идеи единовластия⁵⁵, как лучшей и пропагандируемой летописцами формы политической организации власти, стремились в своих нарративах устранить дуумвират⁵⁶. Олег по возрасту, вероятно, был старше Игоря, но поскольку прямым наследником Рюрика считался Игорь, то НС низвел Олега в воеводы. Поэтому в НС (=НІЛМ) они вместе, при верховенстве Игоря, совершают военную экспедицию из Новгорода к Киеву и устраняют Аскольда и Дира. В последнем эпизоде ведущая роль в НС принадлежит Игорю, он сам обличает Аскольда и Дира и занимает Киевский стол. В качестве Киевского князя Игорь «ставит» города и устанавливает дани, т. е. создает государственную территорию и государственный аппарат, наконец, он самостоятельно находит себе жену, Ольгу, от которой рождается сын Святослав. По НС Игорь (в 920 г.) организует поход на греков, который из-за поражения в морском сражении оканчивается неудачей. Олег в событиях 920 г. прямо не упоминается, хотя, видимо, именно он должен быть непосредственным руководителем похода. В статье НІЛМ 921 г. его имя вновь появляется рядом с именем Игоря – они вместе готовят следующий поход на греков, которым в 922 г. руководит один Олег. Олег добивается успеха и возвращается в Киев. В изображении похода 922 г. характер деяний Олега и в НІЛМ превышает воеводский статус: он – победитель греков, его пытаются отравить, в нем видят св. Дмитрия, он взимает с греков дань, прибывает щит к воротам, участвует в эпизоде с парусами. Вскоре после триумфального возвращения («несьи золото и паволокы и вино и овощь») Олег почему-то идет в Новгород

⁵⁴ НІЛМ, 1950, с. 514. В Троицком списке в одном случае есть странная форма единственного числа: Игорь и Олег, подплыв к Киеву, визнают, кто правит в городе, и о процедуре вызнания сказано «сущь спытал» (в Комиссионном «испыташа», в Воронцовском «испытав»); близкая к Троицкой форма удержана в Берлинском списке НІЛ: «суть и испытав». См.: *Новгородская первая летопись. Берлинский список*, Санкт-Петербург 2010, с. 109.

⁵⁵ Единовластие существовало от Олега Вещего до времени Ярослава Владимировича включительно и отчасти было возобновлено Мономахом. См., в частности: М. Б. Свердлов, *Домонгольская Русь*, с. 156–158, 162, 163, 224–226, 502–503, 567 и др.

⁵⁶ Аскольд и Дир изображаются в летописи дуумвирами, но недаром их княжение в летописном контексте оказывается профанным. Не эта ли тенденция предопределила то, что Олеге «молчит» такой источник, как *Польская история* Яна Длугоша? Допускаем, что польский летописец пользовался источником, близким к НС, где как о князе говорилось только об Игоре.

и еще далее – в Ладогу. Доходили слухи, сообщает летописец, что он собрался идти «за море», но по дороге его «уклюну змиа в ногу», могила его есть в Ладоге. Эти последние перемещения Олег в НІЛМ совершает по собственной инициативе, они не связаны с волей Киевского князя Игоря. Тем самым и в НІЛМ (= НС) Олег не уместается в рамках статуса воеводы. Его уход из Киева проще всего объясняется тем, что двум князьям стало тесно в одном городе⁵⁷: соратники в начале предприятия нередко становятся соперниками или даже врагами по достижении успеха. НС, судя по НІЛМ, больше интересовался Игорем, чем Олегом: здесь есть подробности борьбы Игоря и Свенельда⁵⁸ с древлянами и угличами (уличами), трехлетняя осада Пересечена. Видимо, не просто, не по недосмотру эти сведения отсутствуют в ПВЛ, перемещающей внимание с Игоря на Олега⁵⁹.

Смерть человека в повествовательном сюжете – нередко знаковое событие, оно подводит итог не только жизненного пути человека, но и самой человеческой личности. Смерти Олега и Игоря первоначально были осмыслены в народном предании, этим можно объяснить то негативное, что выявляется в личности Игоря в его «смертном» сюжете, вошедшем в НС, несмотря на акцентированный интерес этого свода к князю. Непомерная дань, которую Игорь собирает с древлян, сравнение его с волком, который не успокоится до тех пор, пока не перережет все стадо – мотивы, возникшие, видимо, в древлянском фольклоре и ставшие неотменяемыми⁶⁰.

В ПВЛ Олег – князь. Полагают, что один из авторов ПВЛ получил в руки договор Олега с греками, из которого выявлялся княжеский статус контрагента греческих императоров, Леона-Льва и Александра⁶¹. Однако это новое знание надо было совместить с уже существующей версией НС, поэтому Олег

⁵⁷ Есть и параллельная мифологическая мотивировка: герой возвращается туда, где ему предсказана смерть. Такая мотивировка движет Орвар Оддом.

⁵⁸ Вот настоящий воевода Игоря.

⁵⁹ Тут есть одно противоречивое обстоятельство: Игорь оказывается центральным героем НС, затем новгородских летописей; Олег же выходит на ведущее место в ПВЛ, т. е. в киевском летописании. Но именно киевский, а не новгородский, летописец мог быть заинтересован в выдвигании на первый план князя-родоначальника, т. е. Игоря; для новгородца же Олег должен быть ближе Игоря, ибо Олег в конце жизни устремился, по НІЛМ, в Ладогу, т. е. сферу Новгорода. Не знаю, как объяснить это противоречие.

⁶⁰ Анализ реалий и обрядовых элементов в связи с письменными (ПВЛ и Льва Диакона) сведениями о гибели Игоря см. в: В. Я. Петрухин, *Древняя Русь: Народ. Князь. Религия...*, с. 151–156.

⁶¹ Самым серьезным аргументом в пользу скептической позиции остается молчание об Олеге греческих источников. А. Л. Шлецер приводил выписки из византийских хроник с 879 по 972 г. и не находил ни одного слова ни об Олеге, ни о договоре с русами, хотя сведений о столкновениях с арабами, булгарами, о внутренних событиях, вплоть до сообщения о смерти императора Льва от запора, достаточно. См.: А. Л. Шлецер, *Нестор*, ч. II, Санкт-Петербург 1816, с. 755–756. См. также с. 93.

становится родственником Рюрика (Н1ЛМ=НС ничего об их родстве не говорит), а Игорь, для объяснения суверенности действий Олега, объявляется ребенком. По ПВЛ именно Олег, а не Игорь, оказывается создателем Киевского государства. При этом в ПВЛ появляются новые, по сравнению с НС, сведения о процессе формирования государства – покорение Олегом, кроме древлян, еще северян и радимичей. Причем, в этих сведениях содержатся подробности, отвечающие реальной ситуации⁶². В сюжете о захвате Киева, помимо выдвигания на первый план Олега, в ПВЛ есть существенное риторическое отличие: Олег объявляет Киев «матерью городов русских», Игорь же в Н1ЛМ такого рода заявлений не делает.

Текстуально описания походов на греков в ПВЛ зависят от НС, хотя их отношения отнюдь не прямолинейны, но в соответствии с новыми источниками – договорами с греками – ПВЛ решительно изменяет датировку походов и корректирует информацию о руководителях. Первый поход датируется не 920, а 907 г., и его руководителем становится в ПВЛ Олег. Впрочем, значительного противоречия с Н1ЛМ (НС) здесь нет: Игорь в Н1ЛМ только инициатор похода: «Посла князь Игорь на Гръкы вои Русь...» (Н1ЛМ, с. 107); поскольку о непосредственном руководителе похода в Н1ЛМ ничего не сообщается, а ранее было сказано о воеводстве Олега, то остается допустить, что именно Олег мыслится предводителем похода 920 г. Масштабность фигуры Олега в ПВЛ возрастает вследствие его контактов с греческими царями и текстов договоров с греками, особенно текста 912 г., где Олег именуется «великим князем русским», под рукою которого оказывается множество «светлых и великих князей, и его великих бояр». Несомненно, масштабнее и эпичнее его фигура в знаменитом сюжете о гибели Олега. В начале сюжета он – могучий владыка, мир с которым значим для всех стран: «И живяше Олегъ миръ имѣа ко всѣм странамъ, княжа в Киевѣ» (ПВЛ, с. 29). Смысл сюжета, как мы пытались показать в прежних работах⁶³, в наказании за гордыню человека, решившего, что он одолел Судьбу. Для такой гордыни у Олега есть основания: ему покорялись племена, народы, страны и даже Греческая империя признала его превосходство и заплатила ему дань, а теперь, как ему представляется, и сама Судьба отступилась от него: «конь умерль есть, а я живъ». Вставая ногою на конский лоб, он попирает Судьбу. Гордыня, для летописца-христианина, – смертный грех, признак богопротивного персонажа, что косвенно означено двойным упоминанием о смехе Олега (над предсказанием волхва и конским лбом), ибо смех – это также маркирующий признак: смех – дьявольский, сатанинский.

⁶² Е. А. Мельникова, *Устная традиция в «Повести временных лет»: к вопросу о типах устных преданий*, с. 162. См. также: В. Я. Петрухин, *Древняя Русь: Народ. Князья. Религия...*, с. 146.

⁶³ Укажем последнюю: А. А. Шайкин, *Повесть временных лет: История и поэтика*, Москва 2011, с. 62-79.

Такая гордыня должна быть наказана. Мотив «наказания за гордыню» не на поверхности, но его присутствие в глубине текста делает героический образ Олега одновременно и трагическим. По сравнению с Н1ЛМ образ Олега в ПВЛ становится существенно иным⁶⁴. В ПВЛ он умирает не неведомо где, а в Киеве, по нем «плакашася людие вси плачем великим» и могила его не в Ладогe, а «на горѣ, еже глаголеться Щековица», могила эта хорошо известна «и до сего дни, словеть могила Ольгова». Завершая биографию Олега, летописец подсчитал: «И бысть всѣх лѣт княжения его 33» (ПВЛ, с. 30). Отсюда видно, что такой князь, как Олег, имеет право на включение в ряд имен, означающих вехи мировой истории, - имеем в виду так называемую хронологическую таблицу под 6360/852 годом. Позднее летописание сохранило традицию княжеского титулования Олега⁶⁵.

Личность Игоря в ПВЛ заметно снижена по сравнению с Н1ЛМ. Подчеркивая его детскость, ПВЛ всюду изображает его не суверенной фигурой: его передают из рук в руки – «въдавъ ему сынъ свой на руцѣ», его носят – «нося Игоря дѣтска», «вынесоша Игоря», он постоянно под Олегом – «хожаше по Олзѣ и слушаша его» и даже жену в ПВЛ он выбирает не сам – «и приведоша ему жену от Пскова». Олег не берет его в свой поход на греков: «Игоря оставив Киевѣ» – в глагольной форме «оставив» есть оттенок принудительности и пренебрежительности⁶⁶, снижающий возможную естественность этой акции. Соответственно всему этому, Игоря – основателя Русского государства в ПВЛ нет. Но вот, кажется, статус Игоря с 913 г. повышается, многозначительна византийская аналогия: «Поча княжити Игорьъ по Олзѣ. В се же время поча царствовати Костянтинъ, сынъ Леонтовъ». Игорь сражается с древлянами и побеждает их, облагая данью, договаривается с печенегами (915 г.), а затем воюет с ними (920 г.). Но первый его поход в ПВЛ (941 г.) в целом изображен как поражение, а второй (944 г.) был остановлен на полпути согласием греков выплатить дань. На наш взгляд, осудительных ноток со стороны летописца не возникает, он солидарен с прагматичным мнением дружины: «не бившеся имати злато, и сребро, и паволоки». Видимо, позорное в иных случаях возвра-

⁶⁴ См. также ряд острых и пронизательных наблюдений А. С. Демина, особенно о подчеркиваемой летописцем «законности» всех действий Олега. А. С. Демин, *О древнерусском литературном творчестве. Опыт типологии с XI по середину XVIII вв. от Иллариона до Ломоносова*, Москва 2003, с. 19–23.

⁶⁵ См.: Н. М. Тихомиров, *Начало русской историографии*, [в:] М. Н. Тихомиров, *Русское летописание*, Москва 1979, с. 51, 54. Однако должны отметить непоследовательность в этом отношении *Устюжской летописи*, согласно которой «Свиндел» становится воеводой «во Ольга место». (ПСРЛ, т. 37, Ленинград 1982, с. 19).

⁶⁶ Глагол «оставить» весьма многозначен, в перечне его значений упоминаются «покинуть», «бросить», «отказаться», «отречься», «пренебречь», «отстранить» от чего-либо и мн. др. См.: *Словарь русского языка XI – XVII вв.*, вып. 13, Москва 1987, с. 136–138.

щение из похода, «не бившись», компенсируется здесь тем, что возвращаются с добычей-данью.

В сцене гибели Игоря текст ПВЛ почти тождествен с НІЛМ. С древлянами в этом эпизоде обходятся не как со «своим» народом, а как с врагами: по сути, с них стремятся собрать дань трижды.

Версия ПВЛ дает, несомненно, более масштабную картину начального периода русской истории. Известные сомнения в исторической роли Олега основываются на том, что *Слово и законе и благодати* и *Память и похвала Владимиру*, обращаясь в прошлое, упоминают только Игоря. Однако первые русские князья интересуют авторов этих произведений не сами по себе, а как предки Владимира Святославича, «...великааго кагана нашеа земли Володимера, вьнука старааго Игоря, сына же славнааго Святослава...»⁶⁷. Древнерусская традиция перечисления предков только до деда сохранилась в названии *Слова о полку Игореве Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова*. На особую связь ребенка с дедом указывает традиция именованя сыновей по деду⁶⁸. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, говоря о Владимире, авторы останавливались на Игоре, – ведь не упоминают же они и Рюрика, прадеда Владимира. Олег, кроме того, несомненно, выпадал из прямого родословия Рюриковичей. В любом случае, молчание об Олеге двух риторических произведений не может перечеркнуть показаний двух собственно исторических произведений – НС и ПВЛ⁶⁹. Невычеркиваемость наших первых князей из мировой и русской истории особенно наглядна в хронологическом перечне ПВЛ: «...а отъ Олексаъндра до рожества Христова лѣтъ 333; а от Христова рожества до Коньстянтина лѣтъ 318; от Костянтина же до Михаила сего лѣтъ 542. А от перваго лѣта Михаила до перваго лѣта Олгова, рускаго князя лѣтъ 29; а от перваго лѣта

⁶⁷ *Слово о законе и благодати митрополита киевского Илариона*, подготовка текста и комментарии А. М. Молдована, перевод диакона Андрея Юрченко, [в:] *Библиотека литературы Древней Руси*, т. 1: XI–XII века, Санкт-Петербург 1997, с. 42. Ср. в *Памяти и похвале князю русскому Владимиру*: «...просвъти благодать Божия сердце князю рускому Володимеру, сыну Святославлю, внуку Игореву...», «И Богъ поможе ему (Владимиру. – А. Ш.), и съде въ Киевѣ на мѣстѣ отца своего Святослава и деда своего Игоря» (там же, с. 316 и 324).

⁶⁸ См.: В. Л. Комарович, *Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв.*, «Труды Отдела древнерусской литературы», т. 16, Москва–Ленинград 1960, с. 89; Ю. В. Франчук, *Отражение языческого мировоззрения славянства в древнерусском летописании*, [в:] *Культура славян и Русь*, Москва 1998, с. 168–169. Разумеется, ребенок именовался не только по деду, система была сложнее, но все же линия «внук – дед» – одна из ведущих. См.: А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский, *Пути усвоения христианских имен в русских княжеских семьях XI – начала XIII вв.*, [в:] *Религии мира. История и современность*, Москва 2002, с. 36–110.

⁶⁹ То, что Олега не знает летопись Длугоша, может объясняться сокращением используемых источников. См.: Ю. А. Лимонов, *Русские источники Яна Длугоша по истории Киевской Руси*, [в:] *Проблемы истории феодальной России. Сборник статей к 60-летию В. В. Мавродина*, Ленинград 1971, с. 80.

Олгова, понелиже съде в Киевѣ, до перваго лѣта Игорева лѣт 31; а от перваго лѣта Игорева до перваго лѣта Святъславля лѣт 33...» (ПВЛ, с. 17).

На первый взгляд, поскольку НІЛМ ближе передает НС, то ее показани-ям надо отдать предпочтение, однако пара десятилетий, отделяющих НС от ПВЛ, скрадываются перед двумя столетиями, отделяющими создателей и НС и ПВЛ от времени Олега и Игоря. Установление «исторической истины» не входило в наши намерения. Невозможно отдать предпочтение одному источнику по сравнению с другим как более достоверному. Гипотетический НС не более достоверен, чем ПВЛ, точнее и то, и другое – «литература», «словесная реальность».

SUMMARY

History and narrative in the old Russian Chronicles

Two early Russian chronicles – The First Novgorod Chronicle and The Tale of Bygone Years – contain different versions of the fact who was the founder of the old Russian state – Kievan Russia. The First Novgorod Chronicle tells that it was the son of Rurik, Knyaz Igor. But The Tale of Bygone Years states that this honor belonged to Oleg. The author of the article studies ideological and political motives of both versions.